

ЮРИЙ НИКИТИН

Порвали парус 1

К О Н Т Р О Л Е Р

Контролер

Юрий НИКИТИН

Контролер. Порвали парус

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Никитин Ю. А.

Контролер. Порвали парус / Ю. А. Никитин — «Эксмо»,
2020 — (Контролер)

И все-таки Комитет по спасению Человечества нужно было создать раньше. Не успели многое. Страшное оружие, перед которым ядерное смотрится детской игрушкой, сработало. Команды спасателей отчаянно ищут варианты спасения уцелевших. Промедление смерти подобно, планета стремительно погружается в хаос. Доктор наук Лавронов, со скальпелем в одной руке и пистолетом в другой, становится на защиту мира. С ним длинноногая капитан Ингрид, стреляющая в прыжке без промаха и владеющая всеми приемами. Всеми.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Никитин Ю. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Юрий Никитин

Контролер. Порвали парус

Часть 1

Глава 1

Не знаю, как это получается, но огромный участок в Сибири за четверо суток стал безжизненным. Оттуда ушли все олени, все хищные звери и зверьки, даже муравьи унесли кукол и увели королеву.

...А на пятые сутки в центр того места ударил огромный метеорит. Пусть и поменьше Тунгусского, однако достаточно крупный, чтобы разрушить целый город, если бы, конечно, там оказался город.

Я рассматривал съемки места падения метеорита еще за сутки до того, как он приблизился к Земле. Куда рухнет, вычислили заранее, предупредили, чтобы туристы не совались в тот район до особого распоряжения, а я смотрел снимки, и не мог отделаться от тягостного впечатления, что даже деревья пытались вытащить из земли корни и уйти, но из-за своей медлительности просто не успели.

Возможно, деревья в самом деле тоже знали. Или чувствовали. Вселенная – единый организм, мы только-только начинаем догадываться о такой невероятной возможности и все не можем в нее поверить.

Мануйленко, безмерно счастливый, его сфера работы в нашем Центре глобальных рисков выглядит для всех глуповато-бесполезной, тут же послал мне сигнал особой срочности, я последние дни не покидаю Центр Мацанюка, точнее, ту его часть, что называется Центром биотехнологий, что, в свою очередь, распадается на ряд центров помельче: нейрохирургии, биохакинга, нейротехнологий и прочих отделов, что уже не отделы, а отрасли прикладной науки.

На экране, повинувшись взмаху руки, появилось помещение комнатки Мануйленко. Он радостно заулыбался, собрал со стола листки с распечаткой траекторий всех астероидов, что могут угрожать Земле в ближайшие сто тысяч лет.

– Погоди, – остановил я его с экрана, – про сингулярность, что наступит раньше, уже не говорю, но ты забыл, что и так вижу кто чем занимается?.. И эти все твои расчеты уже просмотрел... Второй метеорит с такой или большей массой упадет не раньше, чем через триста лет! А к тому времени будем готовы. Сбегай лучше за кофе. Там Данко морщится, будто зуб заболел, Ивар вообще лоб трет... А Оксана поможет с бутербродами.

И, не ожидая, что ответит, я обрубил связь, лишь успел увидеть его счастливое лицо. Оксана совсем недавно вошла в наш мужской коллектив тихим зайчиком, даже мышкой, но уже перестала горбиться и сдвигать плечи, пряча пышную грудь, и теперь уже не она всем разносит кофе, а ей стараются принести и сделать хоть что-то приятное, а заодно обратить на себя внимание.

Почти сразу пикнул сигнал вызова, на боковом экране появилось лицо Мещерского, почти такого же размера, как увеличенный на полстены цитоскелет нейрона с красиво вспученными дендритами. Я сказал мысленно «связь», лицо Мещерского сразу ожило, взглянул на меня и на стены моей лаборатории с живейшим интересом.

– О, у вас такое окружение...

– Это у вас такое, – пояснил я любезно. – Вы прям политик! А у меня справа аффарентники, а прямо перед вами безаксонники. Правда, восхитительные создания? Будь я Богом, и то бы лучше не сделал!

– Да, – согласился он, – конечно. Владимир Алексеевич, с вами очень хочет связаться Уваров, он начальник Генштаба.

Я отмахнулся.

– Пусть через вас.

Он спросил благожелательно:

– У вас к ним недоверие?

– Мне доверия к вам достаточно, – ответил я со всевозможной любезностью. – Зачем плодить лишние звенья?

Он сказал с улыбкой:

– Изволят переговорить именно с вами. Отказать не могу, там по должности выше.

Я ответил с неохотой:

– Ну если только вас не устраивает что-то в наших отношениях...

– Нас устраивает вполне, – заверил он, – но не устраивает их.

– Мы плохо работаем?

– Напротив, – ответил он. – Там оценивают ваш потенциал очень высоко, потому стараются подгрести весь отдел глобальных рисков под себя.

– Не получится, – отрезал я. – Мне их подковерные игры неинтересны.

Он посмотрел на меня внимательно.

– Вы сразу хватаете на лету. Действительно, пошло перетягивание одеяла. Но я не могу вот так взять и отказать, если вы против. Потому свяжу вас с ним, а вы проясните ему свою позицию. Только помягче, помягче, Владимир Алексеевич.

– Я ученый, – напомнил я, – а не дипломат. Я называю кошку кошкой.

Он вздохнул, шевельнул пальцами, переключая каналы на расстоянии. Вместо него на экране появилось крупное мужское лицо с квадратной челюстью и маленькими злыми глазами. Волосы подстрижены армейским ежиком, на петлицах знаки различия генерала армии, что должно производить впечатление на служивших там, но у любого служителя науки вызовет автоматическое отторжение.

– Уваров, – представился он, – начальник Генерального штаба, до этого заведовал отделом стратегического мониторинга, так что в вашей теме не новичок. Владимир Алексеевич, я в курсе, что у вас с генералом Дубарским произошло некое недопонимание. Он заслуженный человек, умелый военачальник, но я понимаю, что в вопросах общения с представителями науки...

– Генерал, – прервал я, – я представитель науки, как вы сказали верно, потому ценю свое время. Не знаю, как вы, в погонах не разбираюсь, но я занят. Говорите короче.

Он поморщился, привык к выказываемому уважению, сказал уже более деловым голосом:

– Владимир Алексеевич, в Генеральном штабе придают колоссальное значение проблеме глобальных рисков. Мы полагаем, работа с ним должна выйти на более высокий уровень. Потому намерены включить ваш отдел в наиболее важную структуру...

Я вскинул ладонь, прерывая на полуслове.

– Генерал, вы что-то не поняли. Или вас неверно проинформировали. Я не служу ни в Генштабе, ни вообще в армии. Я даже не контрактник.

Он запнулся, наконец выговорил с усилием:

– Но ваш отдел так хорошо работает в ГРУ...

– Мы не работаем в ГРУ, – напомнил я.

– Но вы же...

– Мы сотрудничаем с Управлением, – пояснил я, – снабжая некоторой информацией.

Он сказал, понизив голос:

– Мы в курсе, что случилось в Тунисе...

– За это взяло на себя ответственность ГРУ, – напомнил я. – Операцией вообще-то руководил один из лучших офицеров ГРУ капитан спецназа Ингрид Волкова. А я так... консультировал.

– Но ГРУ, – напомнил он, в свою очередь, – лишь один из отделов Генерального штаба. ГРУ – это мы сами, Владимир Алексеевич.

Я развел руками.

– Еще раз напоминаю, в ГРУ не работаю и не работал. Потому забрать нас или перевести в другой отдел вы не можете. Генерал, если у вас нет ко мне больше других вопросов...

Он сказал чуточку нервно:

– Сейчас вопрос стоит в другой плоскости. Как я понял, вы вообще отказываетесь вернуться под руку силовых структур?

Я вскинул одну бровь и посмотрел на него свысока.

– Что-то вас не понимаю... Ах да, это вы не понимаете ситуацию. Когда кого-то из своих агентов выгоняете или он сам уходит, то разве что таксистом устроится, а то и просто грузчиком. Я же доктор наук, у меня самая лучшая в мире работа!.. Вы это не поняли, вижу...

Он посмотрел с экрана по сторонам, оглядывая мой кабинет, весь заставленный сложнейшей аппаратурой.

– Да я почти понимаю, но все-таки...

– Вам стоило бы посмотреть на людей здесь, – посоветовал я. – Это чистые и умнейшие люди!.. Таких на всю планету наберется не так уж и много. Жить и работать среди них – счастье. Общаться с ними, жить в их обществе... да, счастье! Это уже прекрасный дивный мир будущего, хоть пока только на этом этаже корпорации Мацанюка. Ну ладно, пусть и на других, но в этом отдельном здании. Не поняли? Когда я принял предложение работать... нет, сотрудничать с Управлением, это я делал вам одолжение, а не вы мне!.. И сейчас с великим удовольствием, даже наслаждением вернулся к себе домой.

Он посмотрел на меня исподлобья.

– А как же патриотизм? Хотя да, патриот из вас никакой, но как же интересы человечества?

Я развел руками.

– Принимаю к сердцу. Но сделать ничего не могу. Когда мною собирается руководить нечто предельно тупое и косное, какой от меня будет толк? Возьмите любого рядового солдата, отдача будет такая же нулевая, но обойдется дешевле, и спорить не будет.

Он всмотрелся в меня пристально.

– Так вы отказываетесь вернуться?

– Бесповоротно, – отрезал я.

– Почему?

Я вздохнул, тяжело разговаривать с меднолобыми.

– Генерал, как уже сказал, посмотрите, посмотрите на мою лабораторию и людей в команде! У них у всех ай-кью таков, что сто тысяч генералов не наскребут и на половину уровня любого из них!.. Генерал, пока я вам не сказал больше, в том числе неприятного, давайте скажу лучше вежливое «До свидания!».

Вообще-то телефонный или любой разговор по всем правилам приличия должен заканчивать тот, кто начал, но бывают исключения, как вот в данном случае, когда на силовое давление нужно ответить адекватно, практически нахамить, военные этот язык понимают лучше.

И все-таки нехороший осадок остался, в нашей среде ученых все предельно вежливы, корректны и предупредительны, и когда выходишь в реальный мир, ужасаешься как везде

насрано, что на улицах, что в отношениях между людьми, хотя те существа вообще-то наполовину, а кто и больше питекантропы.

За время этой конфронтации насчет переподчинения в свой отдел по катастрофам заглянул только один раз лично, а затем появлялся снова, но уже не лично, как скажет простой человек, потому что видеоконференция это не совсем то, даже совсем не то, хотя мы, которые продвинутые, понимаем, что это то же самое, только лучше.

Когда я вижу их всех, слышу и даже читаю по мимике, кто что хотел сказать, но не сказал, как-то глуповато тащиться на другой конец города, пробираясь через осточертевшие пробки, только чтобы сказать несколько слов, посмотреть, кто что сделал, как будто вот прямо сейчас не вижу, а потом еще и терять полтора часа на обратную дорогу.

Так было во времена Менделеева, но сейчас и он с огромным удовольствием общался бы по широкополосной сети, а работы пересылал мессенджерами.

Через пару секунд после разговора с генералом на экране появилось лицо Мещерского, выглядит сконфуженным, но все тот же лорд по виду и манерам, проговорил со спокойной улыбкой, но с оттенком укоризны:

– Владимир Алексеевич...

– Да, Аркадий Валентинович, – ответил я. – Что делать, нет во мне трепета перед начальником Генерального штаба. Наверное, он очень важная персона?

– Очень, – подтвердил Мещерский.

– Я так и подумал. Случаем, Бога не обижает?..

Он сказал со вздохом:

– В Генеральном штабе все безбожники, что сказывается на их работе. И что теперь с вашим Центром?

– Я включил глушилку, – предупредил я, – нас никто сейчас не услышит, потому признаюсь: я слежу за своими ребятами и подбрасываю им задания. Но пусть это будет между нами. Официально ушел, ушел, ушел... и работаю, как, впрочем, и есть на самом деле, в Центре Мацанюка над некими чисто научными задачами. Могу рассказать, но боюсь...

– Не надо, – сказал он быстро, – а то приснятся ваши инфузории...

– Это прекрасные сны!.. В них как среди гурий в джаннате!

Он уже чуть просветлел, голос прозвучал живее:

– Признаться, я и надеялся, что вы тайком заглядываете в свой отдел. А мы тут продолжим войну за перемены в генеральском мышлении.

– Успеха, – пожелал я.

В Центре Мацанюка в соседнем небоскребе расположился Центр биотехнологий, что, в свою очередь, состоит из центров помельче, в каждом исследования ведутся настолько большими группами, что их пора дробить на лаборатории помельче и тоже называть центрами.

Недавно у них провели опыты над муравьями в рамках айтиэйджинга, удалось продлить жизнь достаточно заметно. До двух лет фараоновому муравью, это все равно если бы человек стал жить тысячу двести лет. Жаль только, что по этой методике получается только с насекомыми, а вот рыбам таким способом жизнь продлевается в семь раз, земноводным в четыре, мышам – вдвое, а человеку только на шесть-восемь процентов, хотя понятно, затевалось вовсе не для того, чтобы создать мух-долгожителей.

С муравьями надеялись понять, останутся ли скованные инстинктом в прежних рамках или же проявят некие новые свойства и способности, что откроются у модифицированных особей?

Однако они ухитрились сбежать из лаборатории, где мирмекариум расположен в трех залах, благополучно перебрались через забор, никакая сигнализация не среагировала на такие крохотные объекты, и тут же ушли в землю.

Сложность в том, что там вблизи заброшенные шахты. Еще при Борисе Годунове добывалось много полезного, но теперь только очень глубокие и пустые норы, разветвленные на многие километры.

Так что муравьи сразу могли уйти очень далеко, а уже там зарыться в землю и наделать собственных нор.

Биотехнологов это не встревожило, а вот Ингрид примчалась ко мне на работу с этой сенсацией и с ходу потребовала то ли вязать и не пущать, то ли что-то предотвратить, чтобы вот взять и спасти мир. В общем, всерьез вошла в роль Защитницы Цивилизации, воспламенилась и сыплет искрами.

Я посмотрел на нее с симпатией взрослого на дурного ребенка.

– Ух ты!.. Чё, правда? Но все-таки нет, лови их и сажай до выяснения, что задумали, без меня.

Она нахмурилась, но спросила с долей сочувствия:

– Что-то случилось? Опять мышь за палец укусила? Или ты настолько в ссоре с генералитетом, что отказываешься и мир спасать?

– Нет, – ответил я, – но муравьев люблю и чту за их исполинскую цивилизацию, что сумели создать при их крохотных мозгах.

Она напомнила победно:

– У них крупные головы. Я видела.

– В кино? – уточнил я. – В тех головах всего по одному-два ганглия, а у человека сто тысяч мильонов. Но человек все еще дурак. Прости, я на тебя посмотрел просто так. Никаких намеков!

– Правда? Почему?

– Почему никаких намеков?

– Да, – ответила она. – Раньше не упускал случая меня обидеть, а то и вбить в землю по ноздри. А человек на триста миллионов лет моложе муравьев, даже я знаю.

Я посмотрел на нее с той же нежностью взрослого.

– Человек станет бессмертным еще перед входом в сингулярность. Представляю, каких высот ты достигнешь!

– Догоню муравьев? – спросила она.

– Точно, – подтвердил я. – А то и обгонишь. Прости, я не стану действовать муравьям во вред.

– Увиливаешь? Почему?

– Вряд ли муравьи несут угрозу человечеству, – ответил я. – А если несут... ну, возможно, они для эволюции более предпочтительный вариант. В общем, я в них верю. Они живут в гармонии с миром.

Она посмотрела в изумлении.

– Ты? А как же эту самую гармонию алгеброй?.. И слово какое-то позорное для ученого... Верю!

– Сейчас в тренде, – ответил я с достоинством, – верить в Бога. Именно для ученых высшего эшелона. А грузчикам и агентам секретных служб Бог не нужен еще со времен Федора Михайловича.

Она сказала уязвлено:

– А можно мне смиренно напомнить, что ты все еще глава секретнейшей службы, располагающий огромными полномочиями?..

– Я отстранен.

– Ты не отстранен, – отрезала она, – ты сам отстранился! И как насчет твоей веры в Бога?

– Все равно верю, – отрезал я. – В целом, в общем. Но поступаю, конечно, будто Бога нет. Такова жизнь. Но вообще-то Он есть.

Глава 2

В новостях промелькнуло, что на поиск иных цивилизаций выделено еще семьдесят миллиардов долларов.

Меня передернуло, но что делать, живем в мире идиотов, а всех перебить – остаться на пустой планете. К тому же мало кому понятно, что поиск иных цивилизаций в космосе свойственен только идиотам. Эти недоумки снимают фильмы и бесчисленные сериалы, где на Землю высаживаются пришельцы-захватчики, практически неотличимые от людей, плюс еще почти на том же уровне развития, это вообще блеск, но идиотам не понять, что оружие двадцать второго века будет отличаться от оружия двадцать первого больше, чем сам двадцать первый от времен Древнего Египта.

Понятно же, что при таком ускорении никакие цивилизации попросту не доживут до появления иных цивилизаций в той же вселенной, пусть и в самых далеких галактиках.

Уже, через несколько лет после начала сингулярности, а то и месяцев, найдут способ как «свою» вселенную изолировать, взять в капсулу или еще как-то изъять из этого грубого примитивного материального мира – фу, какая гадость! – и переместиться с ним в нечто иное, о чем сами еще не подозревали год назад.

Так что вселенная, понятно, пуста. Она полностью наша. Мы ее хозяйева, о чем она еще не подозревает. За какую-нибудь сотню лет от сегодняшнего дня выйдем на тот уровень, когда сможем менять даже фундаментальные законы существования материи. А там либо изыдем ее, вселенную, в нечто иное, более достойное, либо оставим такой же дикой, а сами перейдем туда, где о покинутой вселенной будем вспоминать с брезгливым сожалением, как о времени, когда были трилобитами и рылись в грязи.

На свой этаж я поднимался один, по дороге в лифт подсел Гуцулов, а когда вышли на площадку своего этажа, из кабинки навстречу твердо и уверенно вышел Лелекин, веселый и довольный, как два слона, расплылся в широчайшей улыбке.

– Друзьяки, вы как?.. Эти выходные просто чудо!.. Еще в субботу как взяли пять пузырей вискаря, так и до вечера воскресенья на просыхали!.. Ха-ха, на рыбалку поехали, Щепелявкин даже удочки там забыл...

Гуцулов сказал вежливо:

– Зато хорошо отдохнул?

– Даже не представляешь, – заверил Лелекин. – Ящик вискаря на троих!.. И всего за два выходных. Я думал, уже не смогу, но мы, оказывается, еще те орлы!

Он улыбнулся еще шире, такой герой, мог бы еще добавить, что перепил всех, у альтернативно одаренных это высший шик и доблесть, но вместо этого лишь хлопнул покровительственно Гуцулова по плечу, дескать, вот как жить надо, и победно пошел в сторону своей лаборатории.

Гуцулов вздохнул, а я посмотрел вслед Лелекину с брезгливой жалостью.

– Да-да, разумеется...

Не то чтобы презирал этих людей, сам таким был, но у меня это прошло, хоть и длилось дольше ветрянки, однако сколько людей, которым я в сыновья гожусь, все еще гордо сообщают, что они пьют, видите ли...

Это как бы признаются в доблести. Вот вы не пьете, а я герой! Я пью и несу всякую хрень, пьяным можно, пьяные всем нравятся, так как уже не конкуренты и не доминанты. Сами пьющие не упускают случая запостить в сетях свое фото с бокалом вина в руке, а еще лучше – со стаканом виски.

Они же постоянно фотографируют свои накрытые столы, как же, хорошо живут, жизнь удавалось, вон сколько жратвы, ни одна свинья столько не съест, а я вот могу!

А еще фотки, где они в обнимку с такими же поддатými и довольными. А что еще от жизни надо, как не жрать и пить?

Гуцулов ухмыльнулся понимающе, а когда Лелекин скрылся за дверью своей лаборатории, сказал шепотом:

– Он все еще родом, как говорят, из детства. А я никак не могу понять эту амбивалентность, вроде бы не дурак в работе, но такой дурак вообще...

– Это не дурист в этом мире, – ответил я. – Как раз это считается нормой. Потому даже тот, кто не пьет, либо пьет, когда на виду и в обществе, либо рассказывает о себе, что пьет.

Он сказал с сомнением:

– Полагаешь, врет?

– Похоже на то, – согласился я. – Просто хочет выглядеть нормальным. Если спросишь, за кого болеет, вот увидишь, с ходу назовет какую-нибудь футбольную команду!..

– Слабак, – сказал Гуцулов.

– Все люди слабаки, – подтвердил я. – И все в чем-то да прикидываются.

Он сказал с недоумением:

– Я вот, когда знакомлюсь с интересной женщиной, прикидываюсь, что я доктор наук вроде тебя. Но чтобы прикидываться лаборантом, когда я магистр...

– Прикидываться надо бандитом, – пояснил я, – это романтично. Или спившимся алкоголиком, это у всех вызывает понимание.

Он смерил меня придиричивым взглядом.

– Для того и качаешься? Скоро бицепс рукав рубашки порвет!

Поработал в лаборатории до обеда, затем всей веселой и галдящей толпой вывалились в столовую. Блюда только здоровой кухни, Мацанюк настойчиво и злобно навязывает всем здоровый образ жизни, многие бурчат, все побурчать любим, но то, что меню подобрано именно с учетом требований науки, чтобы человек оставался здоровым и работоспособным до глубокой старости, никто не оспаривает.

Гуцулов за столом поинтересовался:

– Владимир Алексеевич, что насчет сообщения Леннокса о роли затухающих сигналов в нейронной сети грызунов?.. В самом деле можно полностью терять, а потом восстанавливать информацию?

– Нужно повторить в наших условиях, – ответил я уклончиво.

– Уже, – сказал от соседнего стола Лелекин, – я перевел крыс на новый режим, начинаю серию экспериментов.

Косенков сказал с иронией:

– На крысах? Щербатько, который Щербатко, еще вчера пару свиной подготовил.

– А я слышал, он планирует на себе...

Лелекин сказал с достоинством:

– Что свинья, что Щербатько, который Щербатко, какая разница? У них одни реакции. Но на крысах получу результат быстрее!

– И начнешь ставить на свиньях?.. Щербатько, что не Щербатько, точно опередит!

– Это еще посмотрим, – отрезал Косенков задиристо. – Владимир Алексеевич, а вы верить сообщение доктора Леннокса не будете?

Я покачал головой.

– Без меня проверят. И, думаю, подтвердят. Скорее всего, он в самом деле совершил важное открытие. Не шажок, как сказал скромно, это же на публику, а в самом деле гигантский шаг. Нам как-то все равно насчет восстановления всех детских воспоминаний, начиная с тех, как сосал материнскую грудь, но эта возможность даст увеличение емкости оперативной памяти в тысячи раз!.. Оперативной!

Косенков покрутил головой.

– И позволит работать в сотни раз... ну пусть в десятки, продуктивнее!

Я посматривал на них с нежностью. Все думают в первую очередь о работе, а не о том, как где что ухватить, хапнуть и утащить в нору, что составляет почти всю жизнь рядового человека.

Здесь те, кто рожден для сингулярности, только бы уберечь их, соль человечества...

Лелекин на миг оторвался от вегетарианской кашки и с тоской посмотрел на гигантскую отбивную на тарелке Гуцулова, которому предписано усиленное питание с большим количеством белков.

– Сегодня утром сообщили, в ЮАР снова какая-то новая болезнь?

Косенков отмахнулся.

– Ерунда какая-то. Газетчики всегда раздувают из мухи слона.

– Борьба за тиражи и рекламу, – подсказал все знающий Лелекин. – Вон какие страшилки были насчет свиного и птичьего гриппа?.. Владимир Алексеевич?

– Да, – согласился я, – просто ЮАР жалко. Совсем недавно был такой рай для человечества... А теперь каждый третий ВИЧ-инфицирован. И, скажу честно, как-то не рвусь туда спасать. Там верят, что если изнасилуют белую женщину, то сразу излечатся... И стараются изнасиловать всех, кто из белых еще не убит или не успел эмигрировать. Да пустьдохнут, не жалко.

– Там не только ВИЧ, – заметил Лелекин, – сейчас там вообще клоака всех болезней...

Косенков сказал умоляюще:

– Не за столом, а?

На него посмотрели, как на чужого. Для генетиков и физиологов, как и для патологоанатомов, нет запретных или шокирующих тем в отношении человеческого организма и его потребностей.

Гуцулов помахал рукой, подзывая официантку. Он всегда торопится вернуться к работе и сейчас тоже начал жадно пить кофе, одновременно глотая большими кусками блинчики с творогом.

Герашенко я отыскал в его маленькой уютной лаборатории. Спинай ко мне, в одной руке гигантский бигмак, в другой огромная чашка парующего кофе, явно двойной эспрессо, а на столе рядом с вольером с мышками на широком блюде еще с полдюжины вкусно пахнущих бигмаков.

– Ого, – сказал я, – как же вы о мышках заботитесь!

Он развернулся, снова заметно раздобревший, как свежеиспеченная булка, сказал виновато:

– Это ты, Володя... Нет, это я не мышкам.

– Как, – сказал я подчеркнуто шокированно, – а как же наш главный девиз «Все лучшее – мышкам»?

– У них все лучшее, – сказал он быстро-быстро и очень виноватым голосом. – Вот посмотри, чем их кормлю!.. А это мне, без еды почему-то грустно. Хуже соображаю.

– Мышки тоже, – ответил я.

– Все мы в чем-то мышки, – согласился он. – Хотя все мы вполне себе мышки. Сахару побольше, мозг на нем работает, это все, что помню из школьного курса.

– Вижу, – сказал я, – снова новая аппаратура?

Он улынулся, как Владимир Красное Солнышко в молодости, когда увидел римскую принцессу Анну и задался целью ее заполучить.

– Мацанюк постоянно закупает самое новое! У него программа насчет переманивания западных специалистов.

– И как?

– Пока больше возвращаются наши, – ответил он. – Но есть и варяги. Пока ходят, смотрит, принимают.

– Запад он такой, – согласился я, – никаких эмоций, все по расчету.

– Парни вроде бы адекватные, – сказал он. – Я поговорил с ними, рвачей не заметил, все в первую очередь интересуются аппаратурой и нет ли утеснений со стороны администрации.

– Что значит, – уточнил я, – ничего, кроме науки, не видят и знать не хотят?

– А разве мы не все такие?

Я вздохнул, тоже предпочел бы заниматься только наукой, но помимо того, что намертво всажен в это дурацкое тело двуногого, в котором сразу же умру, если оно вдруг сдохнет, так я еще и в этом дурацком мире, где сами ученые составляют ничтожнейший процент населения, хотя мир нуждается именно в них и даже существует только благодаря им, то есть нам.

– Остап Шухевич, – сказал я, – не обижайтесь, что исчезаю так надолго. Похоже, снова на некоторое время как бы выпадает из науки... Не всем там, куда иду, нравится мое присутствие, но стерплю. Я что-то вроде авторитетного консультанта при Генеральном штабе.

– Ого, – сказал он с непонятным выражением.

Я сказал, защищаясь:

– Нельзя упускать случай влиять на высокопоставленных меднолобых. Надо делать все, чтобы меньше творили дури, а добро делали хоть изредка!

Он сказал торопливо:

– Володя, мы же все понимаем!.. Ты за всех нас отдуваешься, представляя науку на таком высоком уровне среди существ, принимающих важные решения!..

– Что-то вроде того, – пробормотал я. – Но свою работу я не оставляю...

Он отложил бутерброд и поставил рядом на стол чашку с кофе, патетически всплеснул руками и, снова ухватив то и другое, сказал живо:

– Ты и так как только успеваешь!.. Мы все читали две твои статьи в «Ньюс Сайенс», где ты предложил новый подход к операциям с митохондриями... Просто великолепно!

– Спасибо, – сказал я польщенно.

Он поинтересовался:

– А как дома?

Я вопрос понял правильно, люди попроще обычно имеют в виду, как там жена, дети, теща, но мы особая раса, ответил точно на тот вопрос, который он и задал:

– Автоматизировал все, что можно! Теперь можно очень многое...

– Кормушки?

Я отмахнулся.

– Что кормушки и поилки, они всего лишь автозаполняются, я теперь даже инъекции ставлю удаленно! Результаты идут прямо на смартфон!.. Наблюдаю за мышками из любой точки планеты.

– В хорошее время живем, – сказал он с удовольствием.

– В прекрасное...

От него я прошелся по лабораториям Щербатко, Гуцулова, заглянул к Лазаренко, а мозг, пользуясь тем, что отвлекся с друзьями, снова полез туда, куда обычно не пускаю: в происшествия, экономику, политику. Хорошо хоть в спорт и развлечения ни в полглаза, мое величество запретило строго-настрого, только наука и хайтек, а если из событий, то если уж действительно что-то необычное.

На этот раз поверх всего он выложил сообщение, что в ЮАР замечена вспышка некой эпидемии. Я чуть было не смахнул такую ненужную мне новость, час назад за обедом кто-то упоминал о ней, но успел зацепиться за слово «эпидемия».

Хотя, конечно, скорее всего просто журналистский перехлест, у них все чрезвычайное, им лишь бы кликнули по заголовку, а там пусть и пустышка, платят за количество кликов, так что да, у журналистов везде катастрофы, апокалипсисы и Аня Межелайтис, у которой, вот смотрите, спали трусики...

Заболевших все же многовато, если такими темпами пойдет и дальше, через неделю можно в самом деле применить термин «эпидемия», но, конечно, за это время очаг заболевания локализируют и с болезнью покончат.

Симптомы, как сообщают те же газетчики, не такие уж и необычные: человеком овладевает сонливость, апатия, он с трудом борется с вялостью, а при удобном случае старается отыскать укромное место и вздремнуть.

Вообще-то это типичное поведение офисного планктона, который без всяких эпидемий старается увильнуть от работы и вздремнуть в ожидании конца рабочего дня. Пока нет ни температуры, ни рвоты, ни даже диареи, считать такое поведение эпидемией как-то рановато.

Возможно, сезонная аллергия на массовое цветение каких-то местных трав или кустарника. Наверняка такое бывало и раньше, но в одном месте война, в другом – крушение лайнера с пассажирами, то кто обратит внимание на такую мелочь, а сейчас уже с неделю странно тихие дни, никто нигде не взорвал самый пустяковый автобус с туристами из Штатов, а как газетчикам жить без сенсаций?..

Глава 3

У себя в лаборатории я вошел в сеть и в ту же секунду на другом конце Москвы оказался в моем отделе, который отделом называю, как мне кажется только я, а все остальные – Центром стратегических рисков, хотя полное название еще более длинное, мы создавались не для рисков, а для их предотвращения.

Некоторое время с теплом в душе наблюдал, как кто работает. Ну какие же молодцы, хотя, с точки зрения обывателя, кто малость, а кто и не малость прибацанные. Как и я, кстати.

Я переключил экраны на себя, все сразу подняли головы, Данко среагировал первым:

– Шеф!.. Вы как явление Христа народу!.. Все реже и реже...

– Буду чаще, – пообещал я. – Скоро.

– А в реале?

– Тоже скоро, – пообещал я. – Мы же дикари пока что, верно? Так что подъеду на днях.

Хотя вообще-то я и сейчас с вами... Что ты с утра мусолишь ту статью? Что-то серьезное?

Данко сказал с завистью:

– Люди делом занимаются!.. Эта миниатюризация вот-вот обернется взрывом... А что мы?

– Чистим авгиевы конюшни, – ответил Ивар со своего места.

– Если не почистим, – добавил Гаврош, – это дерьмо, как элегантно говорит шеф, нас затопит. Шеф?

Он оглянулся на меня за поддержкой. Я ответил без охоты:

– Я сам демократ и сторонник мягких методов. И строгой законности. Но мы прижаты к стене сроками.

Данко заметил весело, но тревожно:

– Хайтек не мчится, а уже летит!

– Вот-вот, – подтвердил я. – Потому выжигаем все, не рассматривая, кто виноват меньше, кто больше. Иначе погибнем и мы, и весь мир. Напоминаю, разрабатывайте жесткие решения, на гуманизм не оглядывайтесь.

Оксана сказала с таким сочувствием, что меня буквально обдало волной тепла:

– Шеф, ну что вы все оправдываетесь?.. Все понимают, другого выхода просто нет.

Ивар добавил с кривой усмешкой:

– Но подтверждение не мешает. Надежнее. Мы же привыкли отчитываться за каждый вздох, за любое шевеление... Это комиссии задолбали!

– Все комиссии на время чрезвычайного положения упразднены, – заверил я. – Во всяком случае, в нашем случае. Я за это дрался, как лев. Дикий лев.

– Военное положение? – спросил Данко с надеждой.

– Типа того, – согласился я. – На период, пока не подавим угрозы человечеству. Простых бандитов пусть ловит полиция. И расследует убийства на почве семейных ссор...

– А мы типа международная?

– С чрезвычайными полномочиями, – напомнил я. – Чрезвычайный Комитет.

– ЧК?

– Да, – ответил я. – То старое ЧК, которое создал Ленин, спасло молодую Россию, а это международное призвано спасти мир.

Данко сказал с намеком:

– И право имеем действовать так же решительно и быстро. Даже еще решительнее. Спасти мир... это даже больше, чем спасти Россию. Так, шеф?

В его голосе кроме легкой издевки я уловил и надежду, что да, могу изменить эту неправильность, когда во главе государств стоят не умные, а сильные и напористые.

– Все изменится, – пообещал я. – Очень скоро. Спинным мозгом чувствую ветер перемен. Либо изменится, либо погибнем. Все.

– Скорее бы, шеф, эти перемены...

– Скоро, – повторил я. – Это витайт... Как ощущение страшной грозы, после которой наступит новый безопасный мир.

Улыбнувшись им во все тридцать два, из них четыре уже имплантата, я переключил на защищенный канал, хотя у меня все защищенные, но этот подчеркнуто защищенный, чтобы видели и на той стороне.

На экране появилось крупное костистое лицо мужчины с квадратной челюстью и упрямыми под мощные надбровные дуги глазами.

– Дуайт, – сказал я, – не разбудил? Америке пора перейти на московский часовой пояс, наши страны сразу подружатся.

– Привет, Влад, – ответил он. – Конгресс будет за, но сенат против. А простой народ в бешенстве потребует начать войну.

– Против России?

– Нет, русских боятся, – пояснил он, – вы же все сумасшедшие, но можно напасть на какую-нибудь маленькую страну в Африке или в Аравии.

– Чтобы потом беженцы заполнили Европу?

– А что? Так ей и надо.

– Дуайт, – сказал я вполголоса, – вопрос высшей секретности.

Он быстро зыркнул по сторонам и сообщил совсем тихо:

– Я врубил заглушку.

– Дело в том, – сказал я, – что в Пакистане закончили сборку двух атомных самозакапывающихся мин. Уже готов корабль, на котором их отвезут к берегам Штатов.

Он охнул:

– Что...

– Планируют установить там, – сказал я.

Он проговорил сдавленным голосом:

– Эти талибы совсем охренели...

– Установят, – сказал я, – но ты понимаешь, зачем? Это не превентивные меры, как сделала Россия.

Он умолк, я с сочувствием всматривался в его суровое мужественное лицо. Дуайт Харднетт, старший агент ЦРУ, великолепный оперативник, настолько великолепный, что забрали в управление, где звереет от тоски, ежедневно сталкиваясь с коридорными интригами и подковой борьбой.

– Хочешь сказать...

– Да, – подтвердил я. – Как только корабль отойдет подальше, тут же взорвет.

– Сволочи, – сказал он злобно, – я как представлю эту гигантскую волну, что со всей дури саданет в берег...

Я отмахнулся.

– Фигня. Сколько одна-две мины натворят?.. Ну полмиллиона американцев притопят, пару приморских городов попортят, да и то не до конца... Зато праздник для всей планеты, пиндосы тонут, какое счастье!

Он некоторое время смотрел бешеными глазами, отреагировав сперва на то, что это совсем фигня – затопить каких-нибудь полмиллиона американцев, чего их жалеть, весь мир их не любит, и только потом сказал сдавленным голосом:

– А что на самом деле?

– Замысел серьезнее, – ответил я с сочувствием. – Это же не просто подозрение на Россию, а прямое указание!.. А когда схлестнемся в драке, Пакистан реализует свои далекоидущие замыслы в своем регионе.

Он скрипнул зубами.

– Ну да, в Пакистане сейчас у власти радикальная ветвь ислама... Подумать только, у таких фанатиков в руках ядерное оружие, даже атомные подлодки!

– И продолжают наращивать, – напомнил я.

Он потряс головой, провел ладонью по глазам.

– Насколько это...

– Через два дня, – сказал я, – корабль выйдет из Карачи. Можете захватить по дороге, но есть смысл дождаться, пока поставят мины и взорвут, чтобы убедиться, прав я был или ошибся...

Он сказал с тяжелым вздохом:

– Ну спасибо... Тебе лишь бы точнее доказать свою правоту!..

– Конечно, – подтвердил я. – Я же представитель сравнительно точных наук.

– Мир все опаснее, – сказал он несчастным голосом. – Какой корабль, уже знаешь?

– Нет, – ответил я, – там еще не решили. Выбирают позауряднее, что уже совершал рейды в ваши воды, примелькался, интереса не вызовет.

– Если узнаешь...

– Не если, – уточнил я, – а как только.

– Я снова твой должник!

Я ухмыльнулся.

– Люблю быть богатым и толстым!.. До встречи.

– Нам нужно скорее сближать наши страны, – ответил он. – До встречи, Влад!

Глава 4

В новостях промелькнуло о значительных льготах при выдаче кредита, пособий и приеме на работу геям, асексуалам и чайдльфришникам, а вазектомию отныне будут делать бесплатно и вне очереди, как в Евросоюзе, так и в Штатах, Канаде, Австралии, Новой Зеландии...

Моя питекантропья половина привычно поморщилась, зато мозг сказал с одобрением насчет набирающей скорость правильной программы по сокращению лишнего населения.

Людям, которых называют собирательным словом «ученые», вроде бы не свойственны рефлексии, я тоже так полагал, даже был в этом уверен. Но сейчас, когда благодаря рискованной операции получил право жить дольше и даже расширить свои возможности, какой-то червячок во внутренностях начал беспокойно шевелиться.

Нет, грызть еще не начал, но неприятно само ощущение, что я, такой вот умный и собранный, могу в чем-то сомневаться... да не просто в чем-то, а в себе, таком понятном и замечательном!

После того как моя нервная сеть приспособилась к новым возможностям, я еще подправил кое-что в генах, на этот раз с предельной осторожностью, я ученый, а не игрок, в науке блефовать нельзя.

Но, получая все большую мощь и возможности, я вроде бы становлюсь все скованнее. Просчитать все в мире невозможно даже с моими возможностями, только подростки знают, как за полчаса стать миллиардером, а за час осчастливить весь мир, но я уже не подросток, хотя и не убеленный сединами старец... тот бы вообще не решился сдвинуться с места, а я пока еще достаточно глуп, чтобы ринуться исправлять мир, но все-таки уже какие-то зачатки разума есть, стараюсь думать сперва, а не потом.

Потому как-то по дороге из Центра Мацанюка домой почти непроизвольно повернул руль и послал автомобиль в ту часть города, где не бывал уже несколько лет: старый университетский городок, там прошло детство, также и студенчество, что у не очень умных считается самым веселым временем сплошных гулянок и развлечений.

Меня встретила Екатерина Васильевна, дочь моего наставника и бессменного руководителя еще со студенческой скамьи, невеселая, глаза на мокром месте, но мне сказала почти бодро:

– Володя... помни, он очень плох.

– Да, – ответил я с неловкостью. От старости пока что нет лекарства, хотя уже вот-вот, почти есть, но еще нет, человек не совсем мышь, клинические испытания только начинаются и продлятся несколько лет, – да, Екатерина Васильевна... Просто я не мог не прийти...

Она провела меня в его комнату, пахнет лекарствами, сам Терентьев, сильно исхудавший, в постели, укрытый по грудь шерстяным одеялом, руки вверх, лицо желтое, как уже у мертвого, но покрасневшие глаза смотрят ясно.

Он узнал меня сразу с порога, да иначе и быть не могло, ученые реже всех остальных, вместе взятых, страдают деменцией, голос прозвучал надтреснуто, но с заметным теплом:

– Володя... рад тебя видеть...

– Матвей Федорович, – сказал я с понятной неловкостью, что я вот молод и здоров, а кто-то нет, – я не мог не примчаться.

– Присядь, – велел он. – Расскажи, что там у вас. Ты смотришься прекрасно, а я слышал, тебя изнуряла нейродистрофия...

– Удалось справиться, – ответил я. – Рискованная операция, но что оставалось?.. Я вытянул счастливый билет. Кстати, хотел с вами посоветоваться...

Он проговорил слабым, но ясным голосом:

– Говори. Ты знаешь, мне всегда можно довериться.

– Операция дала побочный эффект, – сказал я. – Матвей Федорович, мы вторглись в область, которая раньше была только епархией Бога!.. Результат получился просто... я даже не знаю. Кроме того, что жив, это самое главное, могу подключаться к интернету без компьютера просто усилием мысли. Даже усилия не требуется, мозг уже сам, как наркоман, там зависает постоянно, просматривает все новости, сплетни, биржевые котировки. Меня не останавливают файерволы или пароли на сайтах, я без усилий подключаюсь к камерам видеонаблюдения здесь, в Москве, и в любой стране и благодаря этому уже предотвратил несколько крупных терактов.

Он слушал заинтересованно, глаза заблестели, сказал чуть окрепшим голосом:

– Я всегда считал, что человек рассчитан на большее, чем все мы предполагаем... Но тебя что-то тревожит. Что?

Я в неловкости развел руками.

– Читая книги советской эпохи, всегда наткнулся на момент, когда изобретатель или ученый, что-то открыв, тут же спешил в партком, чтоб доложить родной партии и правительству о своей находке.

Он усмехнулся.

– Да-да, помню такое...

– Не должен ли я прийти в полицию и все рассказать? – спросил я. – А они переправят в ФСБ или куда-то повыше?.. Я человек вообще-то законопослушный.

Он кивнул.

– Я тоже. Политики меняются, а ученые всегда во всех странах и при любых режимах улучшали мир. Потому мы не должны заниматься такой ерундой, как политика, за кого-то голосовать или кого-то там поддерживать.

– Но что со мной? – спросил я.

Он тяжело вздохнул, отвел взгляд в сторону.

– Как тебе сказать... Все законы в нашем мире выросли из заповедей, данных Ною, а потом Моисею. Я их все не помню, но там что-то типа «не убий», «не укради» и так далее. Люди то и дело начинали толковать их с уклоном то в одну сторону, то в другую, но в основе все равно оставались эти заповеди. Ты понимаешь, к чему это я?

– Да, – ответил я настороженно, – кажется, понимаю. С этой чехардой наверху, когда то дружим с Западом, то не дружим, то деремся за Арктику, то как бы и не нужна... политика меняется, но база остается неизменной?

– Верно, – сказал он.

– Точно что? – спросил я.

Он попытался приподнять голову, но не смог, лицо стало совсем невеселым, словно увидел мое печальное будущее.

– Верь тому, – произнес он слабо, – на чем основывается политика. Но не очень доверяй самой политике... особенно политикам. Это все изменчиво.

– Я доверяю только науке, – согласился я. – Она никогда не подводит и никогда не врет.

– Только результаты, – произнес он тихо, – частенько интерпретируют...

В комнату заглянула Екатерина Васильевна, я сделал попытку приподняться, но он остановил меня жестом, а ей сказал:

– Дорогая, я чувствую себя... терпимо. Визит моего лучшего ученика взбодрил...

Она исчезла так же неслышно, я расправил было плечи, но они согнулись сами по себе, словно под неведомой тяжестью.

– Значит, никому не признаваться?

Он указал взглядом на кофейный аппарат, я спросил тревожно:

– А вам можно?

Он тихо улыбнулся.

– Володя, мне уже все можно.

Не поднимаясь от постели, я вошел в сеть его квартиры, дистанционно включил кофейный аппарат, оставив те же настройки.

Он чуть приподнял мохнатые брови, прислушался, перевел взгляд на меня.

– Двойной эспрессо?

– Да, – ответил я. – Там еще настройка «средний», но используется реже и нерегулярно, так что явно не для вас.

– Для гостей, – сообщил он. – А Катя кофе не пьет... Да, Володя, у тебя такие возможности... Ты же можешь включить не только кофемолку, но и зажигание в баллистической ракете с ядерной головкой?..

– Могу, – ответил я тихо, – потому ночью просыпаюсь от ужаса, что кто-то другой такое сделает... А такое время на подходе.

Он прошептал с закрытыми глазами:

– Даже не знаю, что посоветовать. Такие силы как бы нехорошо держать под замком... однако как их использовать?

Я сказал невесело:

– На роль таинственного борца с преступностью я не гожусь. Да и противно это. Но... что? Понять, как быстро заработать гору денег, купить дворцы, личные самолеты, яхты, приобрести остров в Тихом океане?

Он улыбнулся уголком рта.

– Это тоже не так уж плохо, как тебе кажется. Можно часть средств, которые идут на дурацкие развлечения, перебросить на финансирование науки.

– Да, – сказал я, – хотя это и будет нарушением... Будет? Нарушением закона будет точно, а нарушит ли это нравственные законы? В смысле, чтоб не так высокопарно, честно это будет или нечестно?

Кофейный аппарат перестал размалывать зерна, треск прекратился, в обе чашки хлынули две почти черные струйки.

Я перенес их к кровати, профессор взял свою достаточно твердо, хотя ниже пояса уже мертв, я то и дело дергался, пытаюсь ему как-то помочь, но он держит двумя руками и отхлебывает аккуратно, не проливая ни капли.

Так в молчании пили некоторое время, наконец он протянул мне уже пустую, на блюде рядом с постелью остались две штучки миндального печенья, такого с ним никогда раньше не случалось.

– Не знаю, – ответил он, – не знаю. Мне очень не хотелось бы что-то советовать, но, как твой учитель, могу сказать только... на твои плечи рухнула тяжелая ответственность. Кому много дано, с того много и спросится. Если не воровать деньги... я имею в виду с помощью легальных финансовых операций, то... тогда остается только...

Голос его становился все тише, глаза закрылись. Я сосредоточился, на экране смартфона, который я не стал вытаскивать из кармана, появилось волевое лицо энергичной женщины.

– Здравствуйте, Валерия Викторовна, – сказал я, успев посмотреть о ней все в инете, – примите заказ на криозамораживание. Простите, что сразу к главе корпорации, просто дело неотложное... Да, оплату сразу... Полностью все тело, отдельную капсулу... Нет, он жив, но врачи говорят, пошли не последние дни, а часы.

С экрана прозвучало деловое:

– Давайте адрес, высылаем бригаду.

Глава 5

Небоскребы раньше официально именовались тучерезами. Сейчас вижу, насколько назвали правильно, высокие башни Южного Бутова распарывают низкие тучи быстро и безжалостно, как острые ножи умелых поваров толстую рыбу.

Ингрид позвонила, едва я вышел из дома своего старого учителя. Навстречу уже катит массивный автобус, в котором вся необходимая аппаратура для подготовки к заморозке, как говорят в народе, я успел увидеть в окна зеленые халаты и лица медиков.

Когда я сел в автомобиль, автобус остановился перед подъездом, задние дверцы распахнулись, выпрыгнул жизнерадостный толстяк с надписью на спине рубашки «Роман Любимов, тот самый!» и начал вытаскивать аппаратуру.

– Привет, – сказала Ингрид, – ты что, совсем забросил свой отдел?

– А чего тебя это так интересует? – поинтересовался я. – Рассвет близок, но тьма все еще рулит...

– Ты сейчас едешь по магистрали, – определила она, – в десяти минутах от меня. Давай пересечемся там на углу возле кафешки?

– Тогда уж в самой кафешке, – уточнил я.

– Заметано, – ответила она обрадованно. – Я успею раньше, что тебе заказать?

– Сперва успею, – ответил я.

Моя мышечная реакция значительно уступает скорости мышления и обработки информации, гонщик из меня получился бы не просто первоклассный, а все призы были бы мои, так что я повел автомобиль на той скорости, которую он может выжать из своего двигателя, и хрен с ними, штрафами, за превышение права не отбирают, а смешные финансовые потери меня не разорят.

Я оставил автомобиль на парковочной площадке, вышел и увидел, как на достаточно большой скорости мчится «Вольво» Ингрид.

Увидев меня, она покачала головой, авто оставила у обочины, выскочила сердитая и злая.

– Ты не мог приехать раньше меня!

– Я старался ехать медленнее, – сознался я. – Но как-то вот так...

– Сама прослежу, – пригрозила она, – чтобы штраф тебе впаяли по максимуму!.. Жаль, у нас нельзя, как в Аргентине, в зависимости от дохода нарушителя, тогда бы ты поплясал!

Я взял ее под руку.

– Ты злая, потому что голодная? Пойдем перекусим.

Она тряхнула головой, красиво сделав волосы веером, а локоть выдернула из моей не слишком-то и цепкой ладони.

С противоположной стороны к кафе идут трое парней, я моментально ощутил, как по мне вздыбилась шерсть, а внутри проснулся и заворочался питекантроп.

Ненавижу эту манеру, когда несколько дюжих самцов прут посреди улицы, грубо распиная тех, кто не успел отскочить в сторону. Сильные, наглые, уверенные в своей мощи, а еще и в том, что не в одиночку, тогда еще можно нарваться, а вот так группой собьют с ног любого и вытрут о него подошвы.

– Ты чего? – спросила Ингрид.

– Да так, – ответил я медленно.

Она что-то поняла, женщины вообще-то чуткие существа, отошла в сторону, наблюдая за мной искоса. Я нарочито сдвинулся в сторону, чтобы оказаться на пути этих доминантов.

Они заметили меня, даже не переглянулись, как одно трехголовое существо, все понимают и чувствуют одинаково.

Так и надвинулись все трое, средний напрягся, намереваясь сбить в сторону, но в последний момент передумал и грубо цапнул меня за плечо, явно восхотел что-то еще покруче.

Сердце у меня уже не стучит, а колотится. Мои пальцы жестко перехватили его за руку, я дернул, послышался хруст ломаемой кости. Что-то во мне проснулось звериное, я повернул резко, ломая и выворачивая суставы, разрывая связки и сухожилия.

Вожак даже не закричал, горло перехватило, захрипел в агонии, а я отшвырнул его на руки друзей.

– Хорошо получилось? – спросил я.

Один пролепетал:

– Хорошо... Простите, мы уходим... Можно, мы уходим?

Оба отпрыгнули, когда я пошел прямо, Ингрид догнала через пару шагов, голос ее прозвучал как будто из другой галактики:

– Что с тобой?

– Не знаю, – ответил я откровенно. – Что-то накатило... Надо быть спокойнее. Будто забыл, в каком мире живу.

– Ты зверь, – проговорила она, в ее голосе послышался страх. – Ты зверее всех зверей!.. Ты сломал ему руку с наслаждением, я все видела!..

Я вошел в гостеприимно распахнутые двери кафе, зал освещен ярко, ненавижу эти якобы романтические полумраки, за спиной простучали каблуки Ингрид.

– Да, – ответил я, – мне тоже так показалось. Похоже, то ли еще не гуманист, то ли уже не гуманист. Как думаешь?

– И, – договорила она тем же потрясенным голосом, – как молниеносно!.. И просто, будто соломинку...

Я присмотрел свободный столик, здесь готовят и принимают, как добрых друзей, скромно и ненавязчиво, Ингрид села рядом и покосилась с недоверием, будто и ее то ли стукну, то ли укушу.

– Что-то нашло, – повторил я. – Какое-то первобытное бешенство. Силы в это время почти удесятерятся. Наверное, ты так подействовала?

– Я так тебя разозлила?

– Ты меня всегда злишь, – ответил я. – У тебя такие сиськи, а ведешь себя так, будто их у тебя нет вовсе!.. За это убить мало.

– Как я всех вас ненавижу, – прошипела она. – Доктор наук, профессор!.. А на самом деле просто самец, дикий и примитивный!

К нашему столику зашепила официантка, Ингрид умолкла, а я быстро продиктовал заказ и повернулся к боевому сотоварищу.

– Да, что-то есть такое-эдакое... Вот войдем в сингулярность...

Она почти выкрикнула шепотом:

– Как же ты достал своей сингулярностью! Да не будет никакой сингулярности!.. Ты посмотри по сторонам!.. Не видишь, что творится? Какая на хрен впереди сингулярность?

Я покачал головой.

– Сингулярность неизбежна. Ее творит сама вселенная, постоянно развиваясь от простейших частиц, дальше звезды, галактики, усложнение структуры пространства, и наконец сингулярность, что тоже не конец, для вселенной это только начало разбега... Но для нас, плесени на поверхности планеты, это конец.

– От плесени слышу, – отрезала она.

– А-а, врубилась!

– Зануда, – сказала она. – Не понимаю тебя. То вроде бы напыщенный доктор наук, сплошная одухотворенная святость, то вот это... Да что с тобой?

Я зябко передернул плечами.

– Ощущение большой беды. Как будто из глубин галактики надвигается нечто исполинское и очень опасное. Вселенная тоже может болеть, не знала?..

– То вселенная, – возразила она, – а то мы. Может быть, она и человечество создала для защиты от болезней и всего-всего?

– Вроде иммунной системы?

– Ну да, ты же медик, формулируешь точнее.

– Мы еще слишком слабая защита, – ответил я. – Честно говоря, вообще никакая. Но лет через сто защитим галактику, а через двести и вселенную...

Официантка, продолжая улыбаться, будто слышит наш разговор, принесла на подносе несколько тарелочек с фирменными блюдами. Я втянул запах и ощутил, что да, спасем не только вселенную, но и весь гигамир, где вселенных больше, чем песчинок на всех пляжах мира.

– Догадываешься, – спросила Ингрид, – зачем я тебя перехватила?

– Влюбилась, – предположил я.

– Да я скорее в крокодила влюблюсь!

– Ну и вкусы у современной молодежи, – сказал я с укором. – Совсем с этой политкорректностью сдвинулись. Так чего, колись. А то я в женском методе мышления не совсем, у нас Гуцулов спец по простейшим, могу познакомить...

– О тебе идут дебаты, – шепнула она. – В Генеральном штабе, а потом перекинулось даже в Министерство обороны. Сразу скажу, почти все за то, чтобы твоему отделу дать полномочий еще больше. Но...

– ...но командовать им самим, – вставил я. – Так?

Она аккуратно резала бифштекс, придерживая кусок мяса вилкой, на меня не смотрела, но по тому, как напряглось ее лицо, заметно, мое замечание задело за живое.

– А ты как хотел? – отрезала она.

– Сама знаешь.

– Так не получится, – определила она.

– А как хотят они, – ответил я, – не подходит мне.

– Жизнь, – сказала она, – это компромисс. Не помню, кто сказал. Получится где-то посредине. От чего-то придется отказаться им, от чего-то тебе... Ты ешь, мясо стынет быстро.

– Потому что я ем, – ответил я, – а ты глотаешь, как утка. В Генеральном штабе, где все еще изучают тактику применения боевых слонов, с которыми Ганнибал нанес поражение Риму, до сих пор не поняли, что мир меняется настолько стремительно, что даже танковые заводы пора закрывать за ненадобностью! Потому, Ингрид, уж извини, но из-за таких компромиссов вся планета вот-вот накроется медным тазом.

Она взялась за чашку с горячим кофе обеими руками, на меня взглянула поверх края испытующе и недоверчиво.

– И уступать не намерен?

– Ни на дюйм, – отрезал я. – Как нельзя быть немножко беременной, так и нельзя допускать... ну как тебе на пальцах для доступности... В общем, выпустить из лаборатории миллиард смертельных вирусов или только одного, разницы нет, понимаешь?.. Через десять минут из одного вируса получится тот же миллиард. И они будут множиться, пока будут находить корм.

Она медленно и чисто механически прожевала отрезанный кусочек, на меня не смотрит, плохой признак.

Я ел молча, она сказала наконец задумчиво:

– Беда еще в том, что ты не силовик, у тебя даже склад мышления другой...

– Ну-ну?

– Насколько я знаю, – продолжила она тем же прокурорским тоном, – высокий интеллект вовсе не означает присутствие высоких моральных принципов. Скорее, наоборот, не так ли?

Я подумал, кивнул.

– Бесспорно. Чтобы совершать открытия, мозг должен быть свободен от догм.

– Вообще?

Я продолжал тем же профессорским голосом, сам осознавая, что для простого человека, а силовики не могут быть не простыми, звучит занудно:

– От любых вообще. Моральных, этических, социальных, кастовых, корпоративных...

Потому писатели, к примеру, пьют больше и чаще слесарей, курят и развратничают... хотя теперь не существует даже такого слова, однако потребность в диком и разнузданном разврате заменили разнообразием в наркоте, поисками в сексе, опасными играми, извращениями...

– Вот-вот, – прервала она, – только на писателей не кивай. Ишь, удобная мишень. Ученые такие же, только не так на виду. У вас тоже мозги... без моральных принципов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.